

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Наталія Медвідь – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри української мови Глухівського національного педагогічного університету імені Олександра Довженка.

Наукові інтереси: лінгвокультурологія, когнітивна лінгвістика.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Виктория РИГОВАНОВА (Горловка, Украина)

У статті проаналізовано основні підходи до вивчення мовної особистості у сучасному мовознавстві; систематизовано основні напрямки та результати дослідження мовної особистості; запропоновано визначення статусу мовної особистості для інтегрованих напрямків сучасної лінгвістичної теорії.

Principal approaches to the analysis of the language personality in modern linguistics have been viewed; particular results achieved in this field have been systemized; the status definition of the language personality for interdisciplinary oriented linguistic theories has been done.

Современное состояние лингвистики, которое квалифицировано как полипарадигмальное, точнее можно было бы назвать методологично эклектичным. Наличие конкретной (единой) методологии и четкая эпистемическая база – характерная ситуация для середины XX столетия, тогда как для лингвистической теории конца XX – начала XXI столетия естественной является либо канонизация определенной концепции языкового анализа, которая иногда приравнивается к парадигме в рамках той или иной лингвистической школы, либо совмещением эпистемиологических принципов, детерминированным потребностью в комплексном, многовекторном исследовании сложного, часто аномального феномена языка. «Неудивительно, что современная лингвистика в целом не может быть зачислена ни по ведомству естественных, ни по ведомству гуманитарных наук. Относя ее к «наукам о человеке», мы по умолчанию предполагаем, что имеется в виду другое содержание, чем если бы мы, например, говорили о медицине или антропологии» (цит. по [1: 42]). В связи с этим выбор темы данной статьи является актуальным.

Целью работы является анализ основных подходов, выработанных в современном интегрированном языкознании, к изучению языковой личности.

В начале XXI столетия ситуация усугубилась из-за стремления лингвистов к целостному всеединому знанию, из-за понимания того, что объяснение языка невозможно без привлечения научного потенциала разных направлений науки. Процесс поиска смежных теорий разных наук для анализа языка привел к возникновению и развитию интегрированных направлений лингвистики: психолингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и т.д. Но создание таких основополагающих для современной лингвистической теории направлений зачастую определяло одностороннее исследование языковых явлений, ограничение возможности ввода других компонентов для изучения феномена языка, и в целом привело к методологическому эклектизму в лингвистике. Такое состояние стали называть критическим, эпистемиологической смутой, научной революцией, теоретическим переворотом.

Исследователи, определяя современное парадигмальное пространство языкознания, называют разные его атрибуты или «принципиальные установки» (термин Е.С. Кубряковой): экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность [8]. По мнению других лингвистов, «современное лингвистическое мышление определяется принципом антропоцентризма и вытекающими из него принципами экспансионизма, функционализма, экспланаторности, семантикоцентризма» [10: 75]. Таким образом, ведущую роль в языкознании отведено изучению человека в языке, вокруг чего прямо или косвенно сосредотачивается проблематика исследований, проводимых представителями новых синтетических научных дисциплин. «Поиски нового пути развития лингвистики приводят исследователей к наследству античности, поворачивают их «вперед к Гумбольдту», и на первый план выдвигается «великий метод» – антропоцентризм» [12: 7].

Объект такой познавательной направленности – живой организм человеческого языка – заставляет лингвистов искать точки пересечения, синтез разных научных парадигм и

методов, и, таким образом, дополняют «великий метод» антропоцентризма этноособенностями, культуроцентризмом или корректировать его в зависимости от специфики анализа языка. Именно многовекторностью объекта анализа, которым является язык, постоянно ускользающий от жестких методологических рамок, и объясняется парадигмальный или методологический эклектизм.

В свете такого положения в лингвистической теории актуальной остается проблема построения лингвистической терминологии, на основе которой, без разночтений, можно выработать конкретные выводы и рекомендации, поскольку современная терминологическая база лингвистики характеризуется образностью и метафоричностью в силу междисциплинарного характера современного познания, что, в свою очередь, приводит и к ретерминологизации, ср.: языковая картина мира, языковая личность, морфемный шов и т.д.

Появление этих понятий обусловлено не только названными выше факторами, а и такими императивами (термин Корнилова О.А.), как: культурологический и лингвистический [7: 77]. Суть первого в том, что знакомство с любой культурой, ее изучение может быть неполным, если в поле зрения исследователя не окажется такого компонента, как склад мышления нации, который зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры. Соответственно, связь культуры народа и его языка не требует доказательств. «Культуру можно определить как то, ЧТО данное общество делает и думает. Язык же есть то, КАК думают» [14: 193]. Так, мы проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка, только познав план содержания этого языка, а глубинное знакомство с семантикой другой культуры предполагает овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира. Лингвистический императив появления понятий связан с проблемой интерпретации результатов практических исследований по внешнему структурированию семантических полей, с практикой становления идеографических словарей, с необходимостью концептуальной интерпретации систематизированной лексики. Такая интерпретация требует от исследователя определения четких лингвистических позиций. Лингвистика как раз указывает на то, что язык позволяет доступ не только к огромной массе информации, содержащейся в описаниях мира, но и к тем феноменам внутри человека, которые связывают с деятельностью высшей нервной системы – сознания и мозга. В этом аспекте лингвистику интересует вопрос о том, в каком виде даны человеку знания о языке и знания языка, как складываются эти знания в целостную модель мира, как она строится и как, в свою очередь, организуясь в особую систему, – картину, – она затем воздействует на нас. Поэтому-то для культуролога и лингвиста создание такого познавательного артефакта (языковая картина мира, языковая личность) является научно и прагматично необходимым.

Такое выделение и изучение каузаторов введения в научный обиход понятий позволит перевести словосочетания «картина мира», «языковая личность» из разряда образных выражений, метафор, которые по воли исследователя могут приобретать разное значение, в категорию терминов. Не останавливаясь подробно на особенностях появления понятий «картина мира», «языковая картина мира» и их содержания, хотя они тесно связаны с понятием «языковая личность», обратимся к статусу последнего в языкознании.

Понятие «языковой личности», выработанное В.В. Виноградовым на материале художественной литературы для описания языковой личности автора и персонажа, достаточно хорошо разработано в современной лингвистике: русистике (Ю. Апресян, В. Гак, Ю. Караулов, М. Китайгородская, В. Красных) и украинистике (Ф. Бацевич, А. Огуй, Е. Селиванова, Л. Ставицкая, Л. Струганец, О. Тарасова, Н. Шумарова). Чтобы не утонуть в море самых разнообразных определений, толкований, нюансов понимания, которые часто в одни и те же слова вкладывают различное содержание, либо же один и тот же смысл вкладывают в разные слова, предлагаем различать разные подходы, которые охватывают множество интерпретаций: 1) лингвокультурологический и лингводидактический; 2) узкий и широкий. Предложенные направления различимы путями описания языковой личности и, соответственно, масштабностью охватываемой проблематики. Предложенные нами

квалификационные подходы к изучению языковой личности созвучны с мнением о том, что языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей.

Для лингвокультурологии характерным является акцент на собирательный культурно-исторический образ; на личность, существующую в пространстве культуры и отраженную в языке; на национально-культурный прототип носителя языка. В связи с этим предметом исследования становится синтетический образ языковой личности, сформированный множеством воплощений разных индивидов в языке. Поэтому-то лингвокультурология обращает свое внимание на взаимосвязь «язык – культура – этнос», ставя перед исследователем задачу – изучить воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Такой подход позволил языковедам выделить подтип языковой личности – историческую языковую личность, методика исследования которой основана на языковом анализе материалов текстов, созданных одним человеком или различными людьми и материалов словарей. Подобная реконструкция языковой личности определенной эпохи, по нашему мнению, является несколько однобокой, хотя и трудоемкой по своей сути. Ведь составление языкового паспорта или же фоторобота языковой личности той или иной эпохи путем выделения ее идиостилистических особенностей в своем анализе опирается на тексты всегда ограниченные жанрово, идейно-тематически, стилистически, а указанные ограничения неизбежно отражаются на облике восстанавливаемой языковой личности. Лексикографический способ воссоздания последней ограничен необходимостью использования статистического метода, что всегда является относительным для целостного моделирования естественного языка, хотя для прикладной лингвистики является перспективным.

Лингвокультурологический подход, основываясь на структурной организации языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, предопределил выделение также различных вариаций языковой личности: многочеловеческая и частночеловеческая личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личности (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), эмоциональная языковая личность (В.И. Шаховский).

Таким образом, в лингвокультурном аспекте язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют средоточие личности – место сопряжения её физического, духовного и социального Я.

При лингводидактическом подходе в центре внимания оказывается индивид как совокупность речевых способностей, что позволяет рассматривать языковую личность как совокупность ипостасей, в которых индивид воплощается в языке. Такое изучение языковой личности проводится преимущественно в синхронии, поэтому для исследователей в этом аспекте характерно внимание к отношению языковая норма – речевое воплощение. Материальным аналогом для изучения речевой способности является, по определению Ю.Н. Караулова, ассоциативно-вербальная сеть языка, которая выражается в ассоциативном тезаурусе. Собственно лингводидактический аспект определения языковой личности положен в основу этого понятия в теории Ю.Н. Караулова, писавшего, что под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений, которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [5: 3].

В лингводидактике основными аспектами изучения языковой личности являются ценностный (аксиологический), познавательный (когнитивный) и поведенческий, с обязательной опорой на социолингвистические принципы [6: 22]. К примеру, на Украине до сих пор остается актуальной лингводидактическая проблема, связанная с аксиологическим аспектом формирования языковой личности, который раскрывает ее ценностно-оценочные ориентации при выборе языка общения, и, к сожалению, такой выбор делается не всегда в пользу украинского языка. Такая ситуация детерминирована тем, что современный ребенок чувствует вокруг себя вакуум родной культуры. И хотя эта проблема выходит за рамки лингвистических, именно лингвистика способна помочь при выборе необходимых и

полезных методов формирования языковой личности, изучив ее сущность посредством языка. Ведь теоретико-познавательный аспект языковой личности проявляется именно в понимании ею особенно важной экзистенциальной роли родного языка как основополагающего признака *homo sapiens*, что по силе влияния на всю жизнь человека не уступает перед законами природы (в терминологии Л.Вайсбергера это названо действием языкового закона человечества) (цит. по [9: 3]). Поэтому-то лингводидактический аспект анализа языковой личности представляется перспективным для влияния на языковую культуру общества посредством развития языковой индивидуальности человека, ведь «языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта личность, тем полнее она отображает языковые качества общества» [11: 98].

В понятие широкого подхода к изучению языковой личности мы вкладываем понимание последней как любого человека, использующего язык. Такой подход дает возможность: а) изучать человека в аспекте социальной психологии посредством рассмотрения дискурсивной модели личности для конструирования ее как совокупного множества «Я»; б) объединить идеи психоанализа и литературоведения, при котором литературное произведение предстает как результат синтеза сознательных и бессознательных процессов личности; в) развивать методику нейролингвистического программирования, опираясь на знания о языке и человеке. То есть возможная парадигма последующих методик изучения языковой личности связана с использованием исходных данных, которые накоплены в лингвистике, что релевантно понятию «языковая», и персонологии, что рядоположено понятию «личность» в биноме «языковая личность».

Для узкого подхода мы отводим сугубо лингвистическую интерпретацию понятия «языковая личность», которое имеет различный категориальный статус в зависимости от уровня языкового анализа. Так, а) в лингвистической генологии, которая является разделом коммуникативной лингвистики, языковой личности отводится статус категории внешнего влияния на коммуникацию и речевые жанры; б) в теории коммуникативных актов, что также принадлежит разделу коммуникативной лингвистики, языковая личность со всеми присущими ей социальными, психологическими, когнитивными, мировоззренческими особенностями является компонентом коммуникативного акта; в) в лингвопрагматике, языковая личность представлена как категория персонализации, которая определена как актуализация говорящим коммуникативной соотнесенности участников речевой ситуации, выражаемая разноуровневыми экспликаторами персональности в рамках существующих для данной лингвокультуры норм и конвенций; г) в функциональной грамматике языковая личность воплощена в функционально-семантической категории авторизации, посредством которой авторизируется высказывание и пропозиция относительно субъекта речи и мысли в теории модальной рамки высказывания и в неклассических (оценочных) модальных логиках.

Подводя итог предложенной ретроспекции изучения языковой личности в современных лингвистических аспектах, заметим, что определять, какая из предложенных моделей описания является корректной, будет бессмысленно, все они – эквивалентные способы осмысления человека в пространстве языка, каждая со своими преимуществами и недостатками. Но при изучении многоаспектного, многогранного феномена языковой личности необходим комплексный подход к ее анализу с учетом квалификационных признаков: собственно лингвистического, лингвокультурологического, лингводидактического, поскольку каждый из них соотносится с уровнями языковой личности, предложенными Ю.Н. Карауловым (лексиконом, семантиконом, прагматиконом). Соответственно человек предстает как подмастерье, который должен овладеть языковыми ресурсами для описания самого себя. Исследователь должен заново рефлексировать и проанализировать то, что изначально приобреталось бессознательно. Определяя статус языковой личности в языкознании, мы предлагаем определить ее как категорию, имеющую внутреннюю (ядро-периферийную) структуру и внешние признаки реализации. Четкое определение типа такой категории (социолингвистическая, коммуникативная, когнитивная и т.д.), является перспективным для антропологически ориентированного языкознания.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб пособие / сост. Л.Н.Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 411 с.
2. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної генології: Навчальний посібник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 248 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
4. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 9–34.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
6. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 390 с.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
9. Мацько Л. Аспекти мовної особистості у перспекції педагогічного дискурсу // Дивослово. – 2006. – №7. – С. 2–4.
10. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 69–77.
11. Потебня А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С. 17-200.
12. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716с.
13. Селіванова О.О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти): Монографія. – К.-Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 123 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Вікторія Ригованова – кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри практики іноземних мов Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.

Наукові інтереси: функціональний синтаксис, лінгвокультурологія, психолінгвістика.

ОСОБЛИВОСТІ СТРУКТУРИ КОНЦЕПТУ БЕРЕЗА В УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ МКС

Інна РОГАЛЬСЬКА-ЯКУБОВА (Одеса, Україна)

Стаття присвячена аналізу концепту береза, що є одним з ключових концептів української й російської мовної картини світу. Досліджується його семантика, структура (поняття, образні й символічні значення), роль і місце в українській і російській мовно-поетичній картині світу.

The article is intended to present the analysis of the concept birch, which is key concept in Ukrainian and Russian language world picture. Its semantic, structure, role and significance in Ukrainian and Russian lingual-poetical world picture are being traced.

У працях сучасних дослідників картина світу найчастіше представляється як “система інтуїтивних уявлень про реальність” [5: 26; 6: 129; 7: 175]. Іноді це визначення уточнюється й доповнюється, вчені зауважують, що КС являє собою символічні моделі зовнішнього світу, у яких символи інтегрують чуттєві й абстрактні компоненти людського мислення, сукупність суджень про властивості й способи існування об’єктів позамовної дійсності. Подекуди наголошують на суб’єктивності уявлень про дійсність, що ґрунтуються на індивідуальному сприйнятті та досвіді людини, вказують на формування картини світу у свідомості, в уяві людини. Наголошується на наявності національної специфіки картин світу, а поряд з нею універсальних частин, спільних для всіх народів у всі часи [5: 24].

Картина світу – концептуальне утворення, її одиницями виступають концепти. Саме внаслідок цього було введено термін «концептуальна картина світу», що позначає глобальну, цілісну систему інформації, яка безперервно конструюється [4: 4]. ККС найуніверсальніша, це система понять про сукупність реалій довкілля, а також система значень, що втілюють ці реалії через слово-знак і слово-концепт [5: 26]. Але через неможливість дослідження поза мовою концептуальної картини світу, представлені в мисленнєвих процесах, ментальних структурах свідомості, доводиться мати справу з відбитком, віддзеркаленням ККС у мові, тією її частиною, що опосередкована мовою, тобто мовною картиною світу (МКС) [6: 129]. МКС – це світобачення крізь призму мови, інформація, розсіяна по всьому концептуальному каркасу й пов’язана з формуванням самих понять за допомогою маніпулювання в цьому процесі мовними значеннями та їх асоціативними полями, що збагачує мовними формами й змістом концептуальну систему, якою користуються як знанням про світ носії певної мови.